

УДК 316.74:2-048.35

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-3-0-9

Исследовательская статья

Богдан С. С.

**«Ноны» (религиозно неаффилированные):
территориальная динамика
и социально-демографический профиль¹**

Сургутский государственный педагогический университет,
улица 50 лет ВЛКСМ, 10/2, Сургут, 628417, Россия
sergio-84@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются «ноны» (религиозно неаффилированные) как самостоятельная и внутренне неоднородная категория современного религиозного поля, не сводимая ни к атеизму, ни к неверию, ни к простой утрате религиозности. Цель исследования – выявить межрегиональные паттерны распространения нонов и показать, как социально-демографические предикторы действуют в разных территориальных, институциональных и культурных контекстах. Эмпирическую базу составляет вторичный анализ международных количественных данных World Values Survey, Pew Research Center и сопоставимых мониторингов, дополненный современными национальными исследованиями и локальными кейсами. Теоретическая рамка имеет полипарадигмальный характер: она объединяет секуляризационный подход, постсекулярные интерпретации и область исследования нерелигиозности и секулярности (nonreligion and secularity studies, NRSS), что позволяет развести макро- и микроуровни анализа и не сводить динамику нонов к одной объяснительной модели. Показано, что на макроуровне внешне сходные демографические сдвиги часто описываются через секуляризационные процессы – дезаффилиацию, ослабление практики и межпоколенческую трансмиссию нерелигиозности, тогда как на микроуровне за ними обнаруживаются смешанные секулярные, постсекулярные и NRSS-конфигурации: культурная конфессиональная идентичность, внеконфессиональная вера, духовность, религиозная индифферентность или ограниченная публичная допустимость неверия. Социально-демографические факторы – возраст, образование, урбанизация, гендер, семейно-брачные и репродуктивные траектории, уровень благосостояния – выступают не универсальными причинами, а контекстно-зависимыми механизмами воспроизводства религиозности и нерелигиозности. Делается вывод, что корректное сравнение нонов требует многомерной операционализации, разведения принадлежности, веры и практики, а также учёта демографических, правовых и институционально-культурных режимов конкретных обществ.

¹ Статья подготовлена на основе доклада, представленного на VII Всероссийском социологическом конгрессе «Социология и общество: формирование и функционирование общественной памяти», секция «Социология религии» (Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, 12–14 ноября 2025 г.), и представляет собой его доработанный и расширенный вариант: Богдан С. С. Территориальный аспект роста религиозно неаффилированных по миру // Социология и общество: формирование и функционирование общественной памяти : Сборник докладов VII Всероссийского социологического конгресса. М.: Российское общество социологов, 2025. С. 3275-3278.

Ключевые слова: религиозные ноны; религиозно неаффилированные; религиозная дезаффилиация; секуляризация; постсекулярность; исследования нерелигиозности и секулярности; полипарадигмальный подход; территориальная динамика религии; социально-демографические предикторы; World Values Survey (WVS); Pew Research Center (PRC)

Информация для цитирования: Богдан С. С. «Ноны» (религиозно неаффилированные): территориальная динамика и социально-демографический профиль // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 3. С. 134-153. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-3-0-9.

Research article

Sergey S. Bogdan

“Nones” (religiously unaffiliated): territorial dynamics and a socio-demographic profile

Surgut State Pedagogical University,
10/2, 50 let VLKSM St., Surgut, 628417, Russia
sergio-84@mail.ru

Abstract. The article examines “nones” (the religiously unaffiliated) as an autonomous and internally heterogeneous category of the contemporary religious field that cannot be reduced to atheism, unbelief, or a simple loss of religiosity. The aim of the study is to identify interregional patterns in the spread of nones and to show how socio-demographic predictors operate across different territorial, institutional, and cultural contexts. The empirical basis consists of a secondary analysis of international quantitative data from the World Values Survey, Pew Research Center, and comparable monitoring projects, supplemented by recent national studies and local case studies. The theoretical framework is multi-paradigmatic: it combines secularization theory, post-secular interpretations, and nonreligion and secularity studies (NRSS), making it possible to distinguish between macro- and micro-levels of analysis and to avoid reducing the dynamics of nones to a single explanatory model. The findings show that, at the macro level, externally similar demographic shifts are often described through secularization processes, such as disaffiliation, the weakening of practice, and the intergenerational transmission of non-religiosity, whereas at the micro level, they reveal mixed secular, post-secular, and NRSS configurations: cultural confessional identity, non-denominational belief, spirituality, religious indifference, or limited public legitimacy of unbelief. Socio-demographic factors, such as age, education, urbanisation, gender, family and marital status, reproductive history, and level of well-being, do not function as universal causes, but rather as context-dependent mechanisms in the reproduction of religiosity and non-religiosity. The article concludes that valid comparisons of nones require multidimensional operationalization, a clear distinction between affiliation, belief, and practice, and attention to the demographic, legal, institutional, and cultural regimes of specific societies.

Keywords: religious nones; religiously unaffiliated; religious disaffiliation; secularization; post-secularity; nonreligion and secularity studies; multi-paradigmatic approach; territorial dynamics of religion; socio-demographic predictors; World Values Survey (WVS); Pew Research Center (PRC)

Information for citation: Bogdan, S. S. (2026), ““Nones” (religiously unaffiliated): territorial dynamics and a socio-demographic profile”, *Research Result. Sociology and Management*, 12 (3), 134-153. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-3-0-9.

Введение (Introduction). В глобализированном позднемоде́рном мире религиозный ландшафт все в большей степени характеризуется одновременным сосуществованием сохраняющейся религиозной витальности, размытых границ между религиозным и духовным, а также роста числа людей без традиционной религиозно-конфессиональной принадлежности, особенно среди молодых поколений (Cipriani, Ricucci, 2020). В этой связи вопросы религиозной идентичности приобретают особую актуальность (Лебедев, Сухоруков, 2024).

Действительно, международные сравнительные опросы последних двух десятилетий фиксируют устойчивое расширение так называемой категории *religious nones* (далее – *ноны*) (Balazka, 2020; Haerpfer et al., 2022; Hackett et al., 2025; Lesage et al., 2025). По последним оценкам, совокупная численность категории *нонов* достигла примерно 1,9 млрд человек, что делает ее одной из крупнейших мировых «религиозных» групп и выводит на третье место после христиан и мусульман (Balazka, 2020; Hackett et al., 2025). Термин имеет опросное происхождение и связан с вариантами ответа, фиксирующими отсутствие религиозной принадлежности или религиозного предпочтения¹.

Если в работах Г. Вернона и Н. Глена² категория *нонов* рассматривалась как остаточная, как аналитически недооцененный сегмент респондентов, то сейчас это вполне самодостаточный объект для новой междисциплинарной области исследований *нерелигиозности и секулярности* (“nonreligion and secularity studies”, NRSS)³ (Lee, 2015; Bullivant, 2020; Årsheim et al., 2022; Богдан, 2025). Это исследовательское поле позволяет сочетать макро и микросоциологическую оптику, а также учитывать историко-культурный контекст. В логике различения принадлежности, веры и практики (принцип «3В»: belonging – believing – behaving) (Olson et al., 2008) *ноны* прежде всего фиксируются по оси отсутствия принадлежности, а их содержательная интерпретация требует дополнительного сопоставления с верой, практиками, духовностью и отношением к религии.

Реакцией на рост религиозно неаффилированных стала актуализация дискуссии о секуляризации, десекуляризации и постсекулярности (Lee, 2014; Cipriani, Ricucci, 2020; Levin et al., 2022; Смирнов, 2024). На макроуровне продуктивной остаётся модель «секулярного перехода», связывающая религиозный спад с последовательным ослаблением участия, значимости и принадлежности (Stolz et al., 2025). В развитых странах параллельно фиксируется и спад веры (Инглхарт, 2022). Однако сравнительные данные показывают, что принадлежность, вера и поведение не совпадают автоматически. Если для Западной Европы характерна схема «вера без принадлежности» (по Г.Дэйви), а для части восточноазиатских контекстов – «поведение без веры и принадлежности», то для ряда стран Центральной и Восточной Европы, напротив, типична конфигурация «вера и принадлежность без

¹ Balazka D. Religious Nones. Oxford Research Encyclopedia of Religion. 2025. URL: <https://clc.li/SwTAx> (дата обращения: 18.04.2026).

² См.: Vernon, G. M. (1968), “The Religious “Nones” a Neglected Category”, *Journal for the Scientific Study of Religion*, 7(2), 219-229; Glenn, N. D. (1987), “The Trend in “No Religion” Respondents to U. S. National Surveys, Late 1959s to Early 1980s”, *Public Opinion Quarterly*, 51(3), 293-314.

³ Учёные этой волны сознательно уходят от старой теории секуляризации (secularization) как простого «угасания религии». Они изучают *secularity* (секулярность) и *nonreligion* (нерелигиозность) как самостоятельные, живые феномены – то есть исследуют, чем именно наполнен внутренний мир, идентичность и социальный профиль человека, если в нём нет традиционной религии. С 2008 г. существует международная исследовательская сеть (<https://thensrn.org/>), которая и объединила всех этих учёных – NSRN (Nonreligion and Secularity Research Network).

поведения»¹. В этом плане показателен пример Греции, где рост атеистических, агностических и нерелигиозных идентичностей разворачивается даже при сохраняющейся высокой публичной роли православной церкви, что подчеркивает контекстную неоднородность траекторий секуляризации (Sakellariou, 2022). В постсекулярной трактовке религиозная/нерелигиозная идентификация имеет многомерную размытую структуру и не сводится к бинарной дихотомии «религиозные-нерелигиозные» (Lee L. 2014; Rosa González, Cabrera, 2023). Все чаще фиксируются смешанные индивидуализированные варианты на границе религиозного и нерелигиозного (лиминальность, сложность, нестабильность, фаззи-и диффузная религиозность), поэтому рост нерелигиозной самоидентификации корректнее понимать не как единый вектор отказа от религии, а как совокупность различных траекторий секулярного и постсекулярного самоопределения (Wilkins-Laflamme, 2023; Руткевич, 2023).

При интерпретации динамики нонов необходимо учитывать ограничения стандартных опросных инструментов. Недавние тесты по операционализации феномена нерелигиозности показывают, что разные индикаторы – неучастие, самооценка религиозности, отсутствие принадлежности – дают существенно разные оценки численности и состава нерелигиозных групп (Cragun et al., 2025). Внутри NRSS продолжаются дискуссии о том, что модель, опирающаяся преимущественно на самоидентификацию, не всегда улавливает реальные конфигурации убеждений, практик и дистанцирования от религии (Järnefelt, 2020). Особенно заметно это в западных контекстах, где возможны устойчивые сочетания неверия и непрактики без явной неидентификации (Quack, Schulz, 2023). Следовательно, категория религиозно неаффилированных должна рассматриваться как аналитически неоднородная и контекстно чувствительная, а межстрановые сопоставления требуют дополнительной методологической осторожности.

Проблематика настоящего исследования состоит не только в фиксации глобального роста доли нонов на основе актуальных вторичных данных, включая материалы 2024-2026 гг., но и в межпарадигмальной интерпретации того, что именно означает этот рост в разных территориальных, институциональных и культурных контекстах. Сходные показатели религиозной неаффилированности могут отражать различные механизмы и предикторы роста, неодинаковую внутреннюю структуру группы, разные характеристики религиозности/духовности, а также различную степень дистанцированности от институциональных форм религии. За близкими количественными показателями могут стоять разные процессы: институциональная дезаффилиация (“disaffiliation”), межпоколенческое ослабление религиозной социализации, рост SBNR-сегмента, религиозная индифферентность, плюрализация мировоззренческих позиций, изменение публичной допустимости неверия или особенности опросной операционализации.

Цель исследования – выявить и интерпретировать межрегиональные паттерны распространения нонов, показав, как сходные показатели религиозной неаффилированности в разных территориальных, институциональных и культурных контекстах могут отражать различные механизмы роста, социально-демографические предикторы, формы религиозности/духовности и степень дистанцированности от институциональной религии. Особое внимание уделяется методологической специфике категории нонов: её опросному происхождению, различиям операционализации в международных массивах и ограничениям прямого отождествления неаффилированности с неверием или нерелигиозностью. Для решения этой задачи используется межпарадигмальная рамка, объединяющая секуляризационные, постсекулярные, демографические и NRSS-подходы.

Методология и методы (Methodology and Methods). Исследование выполнено в логике полипарадигмального сравнительного анализа на основе вторичных данных.

¹ Religious affiliation / Religious Belief and National Belonging in central and Eastern Europe. Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2017/05/10/religious-affiliation/> (дата обращения: 15.04.2026).

В качестве основной эмпирической базы использованы международные опросные и аналитические массивы (прежде всего данные World Values Survey, Pew Research Center и сопоставимые международные мониторинги), дополненные современными национальными исследованиями и локальными кейсами, позволяющими уточнить контекстные механизмы динамики религиозной неаффилированности.

Генеалогически сам термин «ноны» имеет опросное происхождение и восходит к вариантам ответа в англоязычных анкетах, используемым при фиксации религиозной принадлежности или религиозного предпочтения: “no religion” («нет религии» / «не принадлежу ни к какой религии»), “none of the above” («ни один из перечисленных вариантов»), “nothing in particular” («ничего определённого»), “no preference” («нет религиозного предпочтения»), а также просто “none” («никакая» / «никаких», в смысле – из предложенных предпочтений).

Теоретико-методологически в современной научной литературе вокруг исследования нонов сложились несколько подходов к пониманию и анализу данного термина.

В современной литературе редукция нонов к «нерелигиозным» (“non-religious”) признаётся методологически недостаточной¹ и редко используется. Если только не говорить о частичной нерелигиозности в аспекте отсутствия организационной принадлежности в логике принципа «3 В». Религиозно неаффилированный человек может сохранять религиозные или духовные установки: быть внеконфессионально верующим, деистом, культурно религиозным, SBNR («духовным, но не религиозным» / spiritual but not religious) или носителем смешанных представлений (Levin et al., 2022).

Первый, *опросно-демографический* подход, характерен для международных массивов EVS/WVS, ISSP и Pew Research Center. Здесь ноны фактически рассматриваются как религиозно неаффилированные (“religiously unaffiliated”, “non-affiliated”) (Balazka, 2020), то есть как респонденты, которые при вопросе о религиозной принадлежности не выбирают ни одну институциональную религиозную традицию. В аналитической практике Pew Research Center данные термины официально используются как взаимозаменяемые² и методологически к категории неаффилированных (нонов) относят три группы респондентов, выбирающих в вопросе о религиозной принадлежности варианты “atheist”, “agnostic” и “nothing in particular”³. В инструментарии World Values Survey (7-я волна) базовым критерием выступает ответ на вопрос о конфессиональной принадлежности: к нонам относятся респонденты, выбравшие вариант “no: do not belong to a denomination” («Нет: не принадлежу к конфессии»). Дополнительно в состав неаффилированных могут включаться случаи, где в открытой категории фиксируются секулярные самоидентификации (например, «светский», «атеист», «агностик», «нерелигиозный», «гуманист») (Haerpfer et al., 2022). Еще в одном ведущем международном социологическом проекте – Международной программе социальных опросов (International Social Survey Programme, ISSP) неаффилированность также операционализируется через вопрос о текущей религиозной принадлежности («какова ваша нынешняя религия, если она есть?» / “what is your current religion, if any?”), где к группе нонов относятся респонденты, выбравшие маркер «no religion»⁴. В исследовании Н. Бейдера на основе данных ISSP по Франции, Германии, Великобритании и Швеции ноны прямо описываются как «люди, не аффилированные ни с одной религиозной традицией», что не

¹ Lee L. The non-religious. Religion Media Centre, 2018. URL: <https://religionmediacentre.org.uk/factsheets/the-nonreligious/> (дата обращения: 16.05.2026).

² Pew пишет: «We use the terms “religiously unaffiliated” and “religious nones” interchangeably» («Мы используем термины “религиозно неаффилированные” и “религиозные ноны” как взаимозаменяемые»). См.: Religious ‘Nones’ in America: Who They Are and What They Believe. P.8. URL: <https://clc.li/PJZio> (дата обращения: 15.04.2026).

³ Там же.

⁴ ISSP Research Group. International Social Survey Programme: Religion IV - ISSP 2018. GESIS Data Archive, Cologne. ZA7570 Data file Version 2.1.0, 2020. DOI: 10.4232/1.13629.

исключает наличия веры и практик (Beider, 2023). Сходный принцип взаимозаменяемости терминов используется и в страновых работах о религиозно неаффилированных, например на материале Норвегии (Urstad, 2017).

В этих опросных логиках в категорию неаффилированных, как правило, включают тех, кто выражает свою позицию через отказ причислять себя к какой-либо религиозной традиции или имеет четкую секулярную идентичность. Иными словами, те, кто выбирает среди вариантов в анкете «неверующий», «атеист», «агностик» и «светский» – тоже фактически не аффилированы ни с какой конфессией / религиозной организацией, но просто параллельно имеют еще конкретную мировоззренческую нерелигиозную или светскую идентичность. Стоит обратить внимание, что в таких опросах к нонам не причисляют тех, кто указал вариант «другое», колеблется или вовсе отказался от ответа, что позволяет отсеять технические «неответы» и зафиксировать именно дистанцирование респондентов от институциональных форм религии.

Второй, двухуровневый *аналитико-типологический* подход, характерен для области исследований нерелигиозности и секулярности. Первичный срез анализа тут составляют *обобщенные нерелигиозные категории* (“generic nonreligious categories”) (Lee, 2014), которые исследователь конструирует на основе ответов из опросов о религиозной аффилиации («ноны», «не имеющие религии», «нерелигиозные»). Эти обобщающие ярлыки могут выступать важным способом самовыражения респондента и фиксировать не только отсутствие идентификации или дезаффилиацию, но и позитивную форму культурной принадлежности, публичной идентичности и включённости в нерелигиозные культуры (Lee, 2014; Lee, 2015). На втором этапе уже внутри этих обобщенных категорий происходит изучение неоднородного поля позиций/идентичностей на границе религиозного, духовного, светского и нерелигиозного (Lee, 2014). Далеко не все респонденты, выбирающие “no religion” или “nones”, являются нерелигиозными, атеистами или агностиками, также как и не все атеисты и агностики обязательно описывают себя через отсутствие религии (Woodhead, 2016; Bullivant et al., 2019). Для территориального анализа это особенно важно, поскольку одинаковая доля нонов в разных регионах может скрывать принципиально разные сочетания институциональной неаффилиации, духовных практик и ценностных ориентаций. Конгруэнтность религиозности – редкое явление. В зависимости от региона значительная часть неаффилированных может сохранять религиозные и духовные убеждения (Evans et al., 2025).

В рамках данного подхода исследователи не просто фиксируют отсутствие принадлежности, а выделяют внутренние типы нонов исходя из специфики мировоззрения, сочетаний веры, практик, духовности, самоидентификации и отношения к религии. В эту логику могут входить как уже закрепившиеся в литературе типы (индифферентные, «духовные, но не религиозные», секулярные, внеконфессиональные верующие, культурно дистанцированные, антирелигиозные или гуманистически/рационалистически ориентированные), так и авторские типологии. Так, Д. Балазка, сопоставляя религиозность и аффилиацию, показывает, что внутри неаффилированных могут различаться по меньшей мере две позиции: *лиминальная (не)религиозная*, при которой отсутствует аффилиация, но сохраняются элементы религиозности, и *секулярная нерелигиозная*, при которой отсутствуют и аффилиация, и религиозность (Balazka, 2025). В свою очередь Р. Крагун и соавторы, анализируя нонов в США, предлагают различать внутри этой категории по крайней мере нонов-атеистов, нонов-агностиков и нонов-деистов/теистов (Cragun et al., 2012).

И хотя сам автор стоит на методологической позиции разведения в опросах самоидентичности организационной (конфессиональной) и мировоззренческой (религиозной) (Лопаткин, 2010; Кублицкая, 2024), в настоящей статье при фиксации доли нонов по странам и макрорегионам используется опросно-демографический подход, соответствующий логике вторичных данных WVS, Pew Research Center, ISSP и

сопоставимых мониторингов. Поэтому на макроуровне понятия «ноны» и «религиозно неаффилированные» используются как синонимичные операциональные категории. При анализе внутренней структуры, форм религиозности/духовности и мировоззренческой неоднородности нонов привлекается аналитико-типологический подход, связанный с постсекулярной оптикой и исследованиями нерелигиозности и секулярности (NRSS). Ни одна из этих рамок не рассматривается как универсальная (Knippenberg, 2015). С одной стороны, учитываются процессы снижения институциональной религиозности, деинституционализации и дезаффилиации (Norris, Inglehart, 2011; Stolz et al., 2025; Kasselstrand et al., 2023; Tromp et al., 2019; Инглхарт, 2022; Смирнов, 2024); с другой – рост альтернативных и «размытых» форм мировоззренческой самоидентификации (включая религиозную индифферентность, SBNR, приватизированную духовность и гибридные конфигурации веры/неверия), усиливающихся в условиях культурного плюрализма и индивидуализации (Wilkins-Laflamme, 2023; Руткевич, 2023; Levin et al., 2022). Поэтому ноны трактуются как внутренне гетерогенное и контекстно-зависимое социальное поле с различающимися траекториями формирования, практиками самоопределения и степенью дистанции от религиозных институтов (Lee, 2015; Balazka, 2020; Bullivant, 2020; Quack, Schulz, 2023; Rosa González, Cabrera, 2023).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). *Региональная динамика роста неаффилированности.* Международные данные фиксируют устойчивый рост религиозной неаффилированности. Сопоставление 6-й (2010–2014) и 7-й (2017–2022) волн WVS показывает прирост доли религиозно неаффилированных в большинстве стран-участниц (См.: Inglehart et al., 2014; Haerpfner et al., 2022). На макрорегиональном уровне наиболее выраженные траектории роста в период с 2010 по 2020 гг. наблюдаются в Европе, Северной и Латинской Америке, а также в Австралии и Новой Зеландии¹ (Balazka, 2020; Lesage, Starr, Miner, 2025). В ряде стран доля *nones* выросла почти вдвое, а в некоторых достигли большинства среди населения (Уругвай, Нидерланды, Япония, Новая Зеландия)² (Haerpfner et al., 2022; Lesage, Starr, Miner, 2025).

В глобальном распределении религиозно неаффилированного населения наблюдается высокая концентрация. Около 90% всех нонов проживают в десяти странах – Китае (67,1%), США (5,3%), Японии (3,8%), Вьетнаме (3,5%), Германии (1,6%), России (1,6%), Бразилии (1,5%), Франции (1,5%), Великобритании (1,4%) и Южной Корее (1,3%) (Hackett et al., 2025). Данные седьмой волны Всемирного опроса ценностей (2017–2022) дополнительно показывают масштаб сдвига: в 29% стран-участниц (66 стран) суммарная доля респондентов, определяющих себя как «нерелигиозные» и «атеисты», превышает долю тех, кто идентифицирует себя как «религиозный человек» (Haerpfner et al., 2022).

Северная и Латинская Америка демонстрируют наиболее высокую интенсивность прироста религиозно неаффилированных. По опросу Pew 2024 года, религиозно неаффилированные уже являются второй по численности мировоззренческой группой в Аргентине, Чили (достигают трети), Колумбии и Мексике (Lesage et al., 2026). Локальные материалы показывают, что религиозная дезаффилиация и низкая практика могут быть связаны как с поддержкой прогрессивных социальных движений (Чили) (Cáceres, González, 2024), так и являться результатом длительной исторической траектории секуляризации (Уругвай), закрепленной в государственно-правовых и культурных институтах (Da Costa, 2020). Структура нонов в Латинской Америке внутренне неоднородна и включает как «верующих без религии», так и индифферентных, атеистов и агностиков (Da Costa, 2020; Esquivel, 2021). Латиноамериканский кейс фиксирует сдвиг от прежней модели, в которой

¹ Religious Composition by Country, 2010-2020. PRC. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/feature/religious-composition-by-country-2010-2020/> (дата обращения: 15.02.2025).

² Religious Composition by Country, 2010-2020. PRC. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/feature/religious-composition-by-country-2010-2020/> (дата обращения: 15.02.2025).

страны Глобального Юга рассматривались преимущественно как зона роста христианства. Но отмечается основной переход с одной христианской конфессии (католицизма) в другую (протестантизм), при параллельном приросте нонов¹. При этом динамика для нонов носит неравномерный характер и указывает скорее на поэтапный секулярный переход, когда институциональная религиозность и конфессиональная принадлежность ослабевают быстрее, чем индивидуальные верования и приватные формы духовной практики (Hackett et al., 2025; Stolz et al., 2025).

В отличие от южных соседей, в США и Канаде фиксируется более комплексное снижение институциональной религиозности. Сокращается не только конфессиональная идентификация, но и частота практик, а также субъективная значимость религии и вера в Бога² (Thiessen, Wilkins-Laflamme, 2020; Kasselstrand et al., 2023; Инглхарт, 2022). По оценкам 2025 г. число закрывающихся церквей в США существенно превышает число новых общин³. Что с одной стороны, ставит под сомнение «исключительность» США как контраргумента в споре о секуляризации. Но с другой, категория нонов в Северной Америке демонстрирует, как и в Латинской, внутреннюю неоднородность. Наряду с секулярно ориентированными группами выделяется сегмент «духовных, но не религиозных» (SBNR), «внеконфессиональных верующих», что подталкивает представителей «теории рынка» интерпретировать имеющиеся данные в де/постсекулярном ключе и говорить о сохранении веры и практик⁴ (Levin et al., 2022). Возможно, важную роль в сохранении религиозности играет так называемый «религиозный след», т.е. влияние религиозной социализации в детстве (Beider, 2023). Динамика роста неаффилированности в Северной Америке прослеживается в большинстве социально-демографических групп, хотя наиболее выражена в молодых когортах. Для Канады показано, что ноны – одна из наиболее быстро растущих групп, особенно среди людей 18-35 лет (Wilkins-Laflamme, 2023).

В Европе религиозно неаффилированные составляют более четверти населения и выступают второй по численности мировоззренческой группой после христиан. За 2010-2020 гг. их совокупная доля в регионе выросла с 19% до 25,3% по данным PRC и до 30,2% по данным WVS (Hackett et al., 2025; Balazka, 2020; Haerpfner et al., 2022). Главным образом – за счет дезаффилиации бывших христиан, в частности – католиков⁵. Наибольшая численность нонов в абсолютных значениях сосредоточена в Германии, России, Франции и Великобритании. В последние полтора десятилетия в Германии продолжается сокращение членства в крупнейших христианских церквях⁶, во Франции и Великобритании христиане перестали быть доминирующей религиозной группой⁷, в Нидерландах доля неаффилированных достигла большинства (54,1%), а Чехия продолжает сохранять наиболее выраженный профиль нерелигиозности в регионе с 72,8% нонов (Hackett et al., 2025), что указывает на существенный структурный сдвиг в конфессиональном балансе.

Германия является хорошим примером того как даже в рамках одной страны могут различаться темпы прироста и структура нонов в разных регионах (Восточная и Западная

¹ Catholicism has lost people to religious switching in many countries, while Protestantism has gained in some <https://clc.li/Dwvbb> (дата обращения: 25.04.2026).

² Religion. GALLUP. URL: <https://news.gallup.com/poll/1690/religion.aspx> (дата обращения 10.04.2026).

³ 15,000 churches could close this year amid religious shift in U.S. Axios. URL: <https://www.axios.com/2025/10/03/us-churches-close-religious-shift-christians> (дата обращения: 03.04.2026).

⁴ Religious 'Nones' in America: Who They Are and What They Believe. PRC. URL: <https://clc.li/PJZio> (дата обращения: 15.04.2026).

⁵ Catholicism has lost people to religious switching in many countries, while Protestantism has gained in some <https://clc.li/Dwvbb> (дата обращения: 25.04.2026).

⁶ Religionszugehörigkeiten. ForschungsgruppeWeltanschauungen in Deutschland. 02.04.2025. URL: <https://fowid.de/meldung/religionszugehoerigkeiten-2024> (дата обращения: 10.04.2026).

⁷ Religious Composition by Country, 2010-2020. PRC. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/feature/religious-composition-by-country-2010-2020/> (дата обращения: 15.02.2025).

Германии) (Müller, Porada, 2022), а также того, что взаимодействие различных факторов (экзистенциальная безопасность, культурно-идеологической плюрализм, индивидуализация и потеря церковью авторитета) могли привести к сравнительно ранней, всеобъемлющей и длительной деинституционализации (девоцерковлению) общества. Доля «стабильных нон», то есть тех, кто вырос без религиозных связей с детства, стала здесь особенно высокой и по прогнозам в ближайшем будущем составит большинство (Müller, Porada, 2022). Скандинавские данные показывают, что рост нонов связан не только с макросекуляризацией, но и с воспроизводимым социальным профилем. Так, в Норвегии, где доля неаффилированных составляет 22,5%, они в среднем моложе, чаще имеют высшее образование и занимают промежуточное положение между религиозно аффилированными и гуманистами¹ (Urstad, 2017). Вкупе с ослаблением традиционной аффилиации в Западной Европе меняется и религиозность: снижается не только уровень вовлеченности, но и растет дистанция от классических паттернов веры и практики (Tromp et al., 2019). Но не происходит простое линейное снижение религии, фиксируется усложнение форм – от нерелигиозности до гибридных форм на границе веры, принадлежности и практики (Rosa González, Cabrera, 2023).

Параллельно с этим в ряде стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) религиозная принадлежность продолжает выполнять культурно-национальную функцию (особенно в православных и католических контекстах), что поддерживает высокие показатели самоидентификации с конфессией даже при сравнительно низкой повседневной религиозной практике². Как показывает М.Ю. Смирнов, современные формы публичной религии не отменяют секуляризацию, а нередко сосуществуют с ослаблением доктринального содержания и усилением конфессиональной маркировки как культурного знака (Смирнов, 2024). Но даже в ЦВЕ за последнее десятилетие в ряде стран фиксируется прирост неаффилированных, включая Балтию (17% нонов в Латвии, 43,6% в Эстонии) и часть Центральной Европы³. Что указывает на постепенное ослабление прежних конфессиональных монополий и рост социально допустимых нерелигиозных идентификаций (Hackett et al., 2025). Российский случай вписывается в эту общую для ЦВЕ смешанную модель с высокой конфессиональной идентичностью и более низкой когнитивной и практической составляющей (Кублицкая, 2009). При доминировании православной идентичности ноны (внеконфессиональные верующие + неверующие) устойчиво составляют крупную вторую группу – в среднем около 20% по международным и российским опросам⁴ (Hackett et al., 2025).

В целом европейские страны можно интерпретировать как находящиеся на более поздних стадиях секулярного перехода, где общий тренд снижения институциональной принадлежности носит массовый и долгосрочный характер (Stolz et al., 2025; Hackett et al., 2025). В сравнении с неевропейскими макрорегионами Европа характеризуется более ранним началом и большей глубиной секуляризационных сдвигов, особенно с 1990-х годов (Balazka, 2020). Однако для ЦВЕ эта логика работает менее линейно, секуляризационные сдвиги

¹ Religious Composition by Country, 2010-2020. PRC. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/feature/religious-composition-by-country-2010-2020/> (дата обращения: 15.02.2025)

² Religious affiliation / Religious Belief and National Belonging in central and Eastern Europe. Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2017/05/10/religious-affiliation/> (дата обращения: 15.04.2026); Religious Composition by Country, 2010-2020. PRC. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/feature/religious-composition-by-country-2010-2020/> (дата обращения: 15.02.2025).

³ Religious Composition by Country, 2010-2020. PRC. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/feature/religious-composition-by-country-2010-2020/> (дата обращения: 15.02.2025).

⁴ Религия и общество: мониторинг. ВЦИОМ. 27.07.2023 / 09.07.2025 URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring-09062025>; Русская православная церковь: вероисповедание и воцерковленность. ФОМ. 18.04.2025. URL: <https://fom.ru/TSennosti/15172> (дата обращения: 15.04.2026).

разворачиваются в более сложной конфигурации, где модернизационные эффекты переплетаются с исторической памятью, национальной идентичностью и спецификой отношений «церковь-государство» (Bubík, Rimmel, Václavík, 2020).

В то время как европейские и североамериканские примеры демонстрируют преимущественно институциональную логику секулярного перехода, в странах Азии на первый план выходят проблемы измерения нерелигиозности и расхождения между самоидентификацией, практиками и верованиями. Поэтому для азиатского контекста особенно важно учитывать не только конфессиональную принадлежность, но и более широкие формы (не)религиозного самоопределения.

В Китае проживает почти 1,3 миллиарда неаффилированных, что составляет около двух третей всего населения мира, не исповедующего никакой религии (Hackett et al., 2025). Исследования религиозности в религиозно разнообразных обществах показывают, что у значительной части респондентов может отсутствовать формальная конфессиональная самоидентификация, но при этом сохраняться сверхъестественные верования и практики, включая элементы буддийской и народной религиозности (Chao, Yang, 2018). К тому же, обычно предполагается, что люди могут идентифицировать себя только с одной религией, что противоречит их реальному религиозному опыту и недооценивает религиозные традиции, где более вероятно наличие нескольких (множественных) религиозных идентичностей (Corcoran et al., 2021).

Китайский пример демонстрирует методологически важное обстоятельство – рост доли религиозно неаффилированных не всегда означает линейное снижение религиозности как таковой. Это касается и Южной Кореи, где высокий уровень религиозной неаффилированности (48,3%) сочетается с заметной представленностью групп «духовных, но не религиозных», что фиксирует разрыв между институциональной принадлежностью и персональной духовностью (Kim, Seo, Kang, 2025). Рост *nones* в корейском случае связан не только с модернизационными факторами (образование, экономическое развитие), но и с длительными историко-культурными траекториями религиозности вне жестких конфессиональных рамок (Kim, Seo, Kang, 2025). Одновременно увеличение доли неаффилированных влияет на публичную религиозную коммуникацию: межрелигиозный диалог смещается от преимущественно доктринального формата к практикам религиозной грамотности и медитативного опыта как общим точкам взаимодействия верующих и неверующих (Seong, 2025).

В целом для азиатских обществ принципиально важно различать неидентификацию, непрактику и неверие: низкая доля респондентов, прямо называющих себя *none* или «атеистами», не обязательно означает высокую религиозную вовлеченность населения. Исследования по Южной Азии (Индия, Бангладеш) показывают, что люди могут дистанцироваться от религии по рождению, но при этом сохранять конфессиональные или культурные ярлыки в публичной самоидентификации, что делает нерелигиозность менее заметной в стандартизированных опросах (Quack, Schulz, 2023). Следовательно, сравнительный анализ Китая, Кореи и других стран Азии требует учета контекстуальных режимов (не)самоопределения и размытых границ между религиозным и нерелигиозным, что должно отражаться в трансформации методологии (Järnefelt, 2020). Отдельно в Азиатско-Тихоокеанском регионе выделяется «западный» подкейс Австралии и Новой Зеландии. По последним данным Pew Research Center¹ и WVS (Haerpfner et al., 2022), здесь фиксируется высокая степень институциональной дезаффилиации, а доля религиозно неаффилированных составляет около половины населения.

¹ Religious Composition by Country, 2010-2020. PRC. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/feature/religious-composition-by-country-2010-2020/> (дата обращения: 15.02.2025).

По Африке динамика религиозной неаффилированности также выражена неравномерно (особенно между Севером и Югом) и чувствительна к институциональному и правовому контексту. В странах к югу от Сахары фиксируется прирост религиозно неаффилированных, хоть и не так ощутимо, как в Латинской Америке. Соответствующая динамика отмечается, в частности, в Кабо-Верде, Намибии, Гане, Руанде и Гвинее-Бисау, где доля нонов за 10 лет (с 2010 по 2020 гг.) увеличилась многократно¹. Появление специализированных исследований по субсахарским народам показывает, что даже в традиционно религиозных обществах формируется нерелигиозный сегмент, требующий отдельной типологизации и более точных измерительных инструментов (Gez et al., 2021). Качественные исследования урбанизированных космополитичных населенных пунктов (например, Момбасы в Кении) указывают, что плюралистичный контекст (национальные африканские религии, ислам, индийские религии и христианство) способствует проявлению схожих для всего мира тенденций, в том числе рост категории нонов (Gadsby, 2024).

Таким образом, рост религиозной неаффилированности не является исключительно европейским или североамериканским феноменом, в разных формах он прослеживается в большинстве макрорегионов мира, за заметным исключением ряда стран Ближнего Востока и Северной Африки (Hackett et al., 2025). Однако для этой части мира количественная оценка нерелигиозности методологически затруднена, так как в ряде государств отступничество и/или богохульство криминализированы, что снижает готовность респондентов открыто декларировать неверие². В некоторых юрисдикциях сохраняются крайне жесткие санкции за вероотступничество, вплоть до смертной казни (The Freedom..., 2021). Следовательно, низкие показатели неаффилированности в таких контекстах не всегда могут интерпретироваться как прямое свидетельство отсутствия секулярных и нерелигиозных групп.

Социально-демографические предикторы неаффилированности. Стоит отметить, что несмотря на фиксируемый в большинстве регионов рост нонов, долгосрочный глобальный баланс может изменяться по более сложной логике. По прогнозам Pew Research Center³, к 2060 г. доля религиозно неаффилированных в населении мира может снизиться до 13%, главным образом из-за более высокой рождаемости в конфессиональных группах и миграционного притока в развитые страны более религиозного населения (Hackett et al., 2025). Сравнительные данные показывают устойчивые связи рождаемости с религиозностью, уровнем образования и экономическим развитием, что влияет на межпоколенческое воспроизводство религиозных и нерелигиозных групп (Götmark, Andersson, 2020; Balazka, 2020). Демографические параметры действительно ограничивают темпы расширения нерелигиозных категорий. Однако такой сценарий сохраняет прогностическую силу лишь при условии инерционного развития текущих демографических режимов, то есть при отсутствии структурных сдвигов, включая возможный второй демографический переход в странах с высокой рождаемостью.

Рост нонов во многом связан с межпоколенческим отходом от религии, в которой происходила первичная социализация. Так, значимая часть взрослых, выросших в конфессиональной среде, в зрелом возрасте не воспроизводит религиозную принадлежность (Lesage, Starr, Miner, 2025). При этом расширение категории нонов чаще происходит не за счет межконфессиональных переходов, а через дезаффилиацию – отказ от

¹ Там же.

² Religiously unaffiliated people face harassment in a growing number of countries. PRC. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2023/01/27/religiously-unaffiliated-people-face-harassment-in-a-growing-number-of-countries/> (дата обращения: 22.02.2026).

³ Key Findings From the Global Religious Futures Project / PRC. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2022/12/21/key-findings-from-the-global-religious-futures-project/> (дата обращения: 15.04.2026).

институциональной принадлежности в форме деконверсии или вероотступничества. В Италии, Колумбии и Греции примерно девять из десяти взрослых, которые сейчас не исповедуют никакой религии, говорят, что воспитывались в религиозной среде (Lesage, Starr, Miner, 2025).

Обобщенно можно сказать, что с точки зрения социально-демографических характеристик религиозно неаффилированные чаще представлены среди молодых, городских, обеспеченных и более образованных групп населения, однако сила и направленность этих связей существенно варьируют по странам и регионам (Thiessen, Wilkins-Laflamme, 2020; Müller, Porada, 2022; Balazka, 2020; Lesage, Starr, Miner, 2025). Сходный профиль фиксируется и в России. По данным опросов, доля неверующих/неаффилированных выше среди мужчин и молодежи¹.

Наиболее устойчивым выглядит поколенческий эффект. Уход от религиозной принадлежности встречается во всех возрастных когортах, но в среднем чаще у молодежи и у миллениалов (Woodhead, 2016; Thiessen, Wilkins-Laflamme, 2020; Руткевич, 2023). Вместе с тем по мере распространения дезаффилиации в массовой популяции возрастной разрыв в ряде стран сокращается, поэтому нерелигиозность уже не может интерпретироваться исключительно как «молодежный феномен» (Cragun, Smith, 2024).

Гендерные различия также имеют контекстный характер и порой связаны с навешиваемыми «ярлыками» (Voas, McAndrew, 2012). В части стран мужчины чаще сообщают об отсутствии религиозной принадлежности, однако в более молодых когортах этот разрыв может заметно уменьшаться (Voas, McAndrew, 2012; Lee, 2015; Balazka, 2020; Cragun, Smith, 2024).

В теориях секуляризации (Norris, Inglehart, 2011) часто фиксируется устойчивая обратная связь религиозной аффилированности (и религиозности) с экономическим развитием и экзистенциальной безопасностью в регионе. В странах с высокими показателями «Индекса человеческого развития» (то есть в более развитых странах) наблюдается более низкий уровень религиозной принадлежности (Balazka, 2020; Kasselstrand et al., 2023; Hackett et al., 2025). И хотя обнаруживаемая связь нерелигиозности с образованием и доходом в целом сохраняется в ряде регионов, но она не является линейной. По мере «нормализации» неаффилированности влияние образовательного ресурса на выход из религии в ряде контекстов ослабевает (Woodhead, 2016; Cragun, Smith, 2024) и секуляризм начинает распространяться на различные уровни образования (Lewis, 2015).

Особую значимость имеют семейные и репродуктивные траектории – более позднее вступление в брак, рост доли внебрачных и бездетных домохозяйств (Norris, Inglehart, 2011), а также межпоколенческое ослабление религиозной социализации в ряде контекстов коррелируют с расширением сегмента религиозно неаффилированных (Voas, McAndrew, 2012). Сравнительное исследование молодежи Италии и России показывает, что религиозное воспитание может передавать не только конфессиональную идентичность, но и установки на автономный выбор в сфере нерелигии (Breskaya, 2025).

Связь урбанизации с профилем нонов целесообразно трактовать не только как эффект «типа поселения», но как результат включённости в более плотные и гетерогенные сети социальных контактов, где выше уровень мировоззренческого плюрализма и ниже нормативное давление конфессиональных сообществ (Woodhead, 2016; Gadsby, 2024). При этом межрегиональные сопоставления требуют методологической осторожности, поскольку в разных странах показатели религиозной аффилиации, семейного статуса и практик (не)религиозной идентификации операционализируются не полностью эквивалентно.

¹ Религия и общество: мониторинг. ВЦИОМ. 27.07.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religiya-i-obshchestvo-monitoring-09062025>; Русская православная церковь: вероисповедание и воцерковлённость. ФОМ. 18.04.2025. URL: <https://fom.ru/TSennosti/15172> (дата обращения: 15.04.2026).

Помимо этого, демографические эффекты следует интерпретировать совместно с миграционными процессами, различиями в рождаемости и смертности между религиозными и нерелигиозными группами, а также с режимами публичной нерелигиозной идентификации. Стоит также учитывать внутреннюю гетерогенность нонов и пропорции тех или иных типов в конкретном регионе. К примеру, атеисты и агностики в США в среднем чаще демонстрируют более высокий образовательный капитал, политическую и социальную активность, чем респонденты с неопределенной неаффилированной самоидентификацией («ничего конкретного»)¹, но и тех и других причисляют к нонам.

Таким образом, социально-демографические переменные целесообразно рассматривать не изолированно и не как универсальные причины роста нонов, а как контекстно-зависимые предикторы, действие которых опосредуется историко-культурной средой, семейной социализацией, уровнем мировоззренческого плюрализма и институциональной организацией религиозного поля (Woodhead, 2016; Cragun et al., 2021).

В целом, существует ряд ограничений при подобного рода аналитических сопоставлений территорий и демографических факторов, связанных с неоднородностью операционализации нерелигиозности в международных массивах, возможной «недорепрезентацией» латентной нерелигиозности в нормативно чувствительных контекстах и различиями в доступности сопоставимых страновых данных. Перспективы дальнейших исследований могут лежать в следующем: комбинировании кросс-национальных панелей с лонгитудными микроданными; использовании наряду с количественными качественными, этнографические стратегии исследования; развитии универсальных и специфически региональных типологий внутри категории нонов (в т.ч. определении границ между организационно неаффилированными, индифферентными, неверующими и духовными); а также в более точном моделировании эффектов миграции, рождаемости/смертности и поколенческой трансмиссии нерелигиозной идентичности.

Заключение (Conclusions). Проведённый анализ позволяет рассматривать религиозную неаффилированность не как простое отсутствие религии, а как один из ключевых индикаторов перестройки современного религиозного поля. Рост доли нонов фиксируется в разных макрорегионах мира, однако его содержание не сводится к единой секуляризационной логике. За сходными количественными показателями могут стоять различные процессы: институциональная дезаффилиация, ослабление практик, межпоколенческая трансмиссия нерелигиозности, приватизация веры, распространение внеконфессиональной духовности, религиозная индифферентность или изменение нормативной допустимости публично заявленного неверия.

Тем самым категория «ноны» оказывается принципиально контекстной. В Западной Европе, Северной Америке и Австралии она чаще описывает траекторию, близкую к классической секуляризации – снижение религиозной практики и субъективной значимости религии постепенно сопровождается ослаблением конфессиональной принадлежности. Однако даже в этих обществах неаффилированность не означает полного исчезновения религиозного или метафизического измерения, так как внутри нонов сохраняются сегменты внеконфессионально верующих, SBNR, агностиков и индифферентных. В Центральной и Восточной Европе религиозная принадлежность чаще сохраняет культурно-национальные функции, поэтому дезаффилиация сосуществует с символической мобилизацией конфессиональной идентичности. В Латинской Америке рост нонов включён в процессы религиозной конкуренции, поколенческих сдвигов и политико-ценностных конфликтов. В ряде азиатских и африканских обществ на первый план выходит не столько сама распространённость нерелигиозности, сколько проблема её измерения. Непрактика, неверие

¹ Religious ‘Nones’ in America: Who They Are and What They Believe. PRC. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2024/01/24/religious-nones-in-america-who-they-are-and-what-they-believe/> (дата обращения: 15.04.2026).

и отсутствие институциональной принадлежности могут не совпадать, а в нормативно чувствительных контекстах нерелигиозные позиции нередко остаются латентными.

Из этого следует, что межрегиональные сравнения нонов должны строиться не только по уровню их распространённости, но и по конфигурации механизмов, через которые формируется нерелигиозный сегмент. Возраст, урбанизация, образование, гендер, семейное положение, репродуктивные установки и благосостояние не являются универсальными причинами неаффилированности. Они действуют как контекстно-зависимые медиаторы более широких режимов воспроизводства религиозности и нерелигиозности, где демографические, миграционные, институциональные, правовые и культурные факторы взаимно усиливают или ослабляют друг друга. По мере нормализации нерелигиозности в отдельных обществах часть «классических» социально-демографических различий может сглаживаться, а профиль нонов становится ближе к структуре населения в целом.

Главный теоретико-методологический вывод состоит в том, что ноны не образуют однородной социальной группы. Это зонтичная и методологически чувствительная категория, содержание которой зависит от способа постановки вопроса, набора предложенных ответов, культурной легитимности неверия, статуса религиозных институтов и исторически сложившихся режимов связи между религией, нацией, семьёй и государством. Поэтому религиозную неаффилированность нельзя автоматически отождествлять ни с атеизмом, ни с секулярностью, ни с отсутствием духовных представлений. Она может выражать как критическую дистанцию к религии, так и слабую институциональную включённость при сохранении веры; как мировоззренческий выбор, так и индифферентность; как индивидуализированную духовность, так и культурную дезаффилиацию.

В этом смысле рост нонов следует интерпретировать не только как количественное расширение нерелигиозного сегмента, но и как изменение самих границ религиозного поля. Он указывает на рассогласование трёх измерений, которые в классических моделях часто предполагались взаимосвязанными – принадлежности, веры и практики. Современная неаффилированность возникает именно в зоне их несовпадения. Человек может не принадлежать к конфессии, но сохранять веру; может быть культурно связан с религиозной традицией, но не практиковать; может отвергать религиозные институты, но принимать метафизические или духовные представления; может не формулировать устойчивой позиции, оставаясь в режиме неопределённости или безразличия. Поэтому анализ нонов требует многомерной операционализации, в которой принадлежность, вера, практика, публичная самоидентификация и отношение к религиозным институтам рассматриваются как самостоятельные, хотя и взаимосвязанные оси.

Перспективы дальнейших исследований связаны с переходом от описания долей нонов к анализу внутренних траекторий нерелигиозности. Во-первых, необходимо изучать процессы дезаффилиации, деконверсии, утраты веры, религиозной индифферентности и формирования нерелигиозной идентичности с учётом семейной социализации, образования, медиа, политического контекста и взаимодействия с религиозными институтами. Во-вторых, требуется развивать типологии, позволяющие различать внутри нонов атеистов, агностиков, внеконфессионально верующих, SBNR, индифферентных и культурно дистанцированных от религии респондентов. В-третьих, важным направлением остаётся изучение публичного измерения нерелигиозности: форм видимости, самоорганизации, коммуникации с религиозными группами и участия в спорах о границах допустимого присутствия религии в обществе. В-четвёртых, особое значение имеет совершенствование инструментов измерения, чувствительных к западным контекстам, альтернативной духовности, мистицизму, паранормальным и квазирелигиозным верованиям. Наконец, самостоятельного внимания требует правовое и институциональное положение нерелигиозных и свободомыслящих,

включая вопросы свободы совести, дискриминации и ограничений, связанных с неверием, апостасией или критикой религии.

Таким образом, религиозная неаффилированность выступает не остаточной категорией, а самостоятельным объектом анализа, через который становится видна трансформация современных режимов веры, принадлежности и публичной религии. Её изучение требует отказа от универсальной объяснительной схемы в пользу контекстно-чувствительного, сравнительного и полипарадигмального подхода, способного учитывать как секуляризационные процессы, так и новые формы духовности, идентичности и институциональной дистанции.

Список литературы

Богдан С. С. От исследования религиозно «никаких» к становлению социологии «нерелигии» // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 2. С. 4-21. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-1. EDN: FOKRXW.

Инглхарт Р. Неожиданный упадок религиозности в развитых странах. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. 238 с.

Кублицкая Е. А. Особенности религиозности в современной России // Социологические исследования. 2009. № 4(300). С. 96-107. EDN: JZFQOZ.

Кублицкая Е. А. Методолого-методический анализ соотношения религиозной и конфессиональной самоидентификаций (на примере изучаемых субъектов РФ) // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 1. С. 11-27. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-2. EDN: XIPWEA.

Лебедев С. Д., Сухоруков В. В. Религия и идентичности в позднемодерном социуме // Социология религии в обществе позднего модерна. 2024. Т. 13, № 1. С. 5-9. EDN: KWAFBM.

Лопаткин Р. А. Социология религии в России: опыт прошлого и современные проблемы // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2010. Т. 28, № 4. С. 266-272. EDN: PFGRPB.

Руткевич Е. Д. О современном мире, (не) религиозном разнообразии и пост-секулярной перспективе // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 2. С. 58-76. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-5. EDN: PFIPEY.

Смирнов М. Ю. Исследование религии в контексте современной секуляризации: поиск подхода // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15, № 2. С. 13-27. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.2. EDN: WHXFZF.

Årsheim H., Mauritsen A. L., & Zwillig A. L. Introduction – Non-religion in Late Modern Societies / Non-religion in Late Modern Societies. Springer Science+Business Media. 2022. Pp. 1-14. DOI: 10.1007/978-3-030-92395-2_1.

Balazka D. Mapping Religious Nones in 112 Countries: An Overview of European Values Study and World Values Survey Data (1981–2020). Trento: Fondazione Bruno Kessler. 2020. 51 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/344176211_Mapping_Religious_Nones_in_112_Countries_An_Overview_of_European_Values_Study_and_World_Values_Survey_Data_1981-2020 (дата обращения: 15.03.2025).

Beider N. Religious residue: The impact of childhood religious socialization on the religiosity of nones in France, Germany, Great Britain, and Sweden // British Journal of Sociology. 2023. Vol. 74, № 1. Pp. 50-69. DOI: 10.1111/1468-4446.12982.

Breskaya O. Religious upbringing in the family and individual autonomy of ‘Nones’: a comparative study of youth in Italy and Russia // International Journal of Sociology and Social Policy. 2025. Vol. 45, № 7-8. Pp. 725-742. DOI: 10.1108/IJSSP-10-2024-0510.

Bubík T., Rimmel A., Václavík D. (Eds.) Freethought and Atheism in Central and Eastern Europe. The Development of Secularity and Nonreligion. London, New York: Routledge. 2020. 346 p. DOI: 10.4324/9780429276071.

Bullivant S. Explaining the Rise of “Nonreligion Studies”: Subfield Formation and Institutionalization within the Sociology of Religion // Social Compass. 2020. Vol. 67, №1. Pp. 86-102.

Cáceres I., González A. Progressivism and Religious Disaffiliation in Chile: Responses to Social Movements // International Journal of Latin American Religions. 2024. Vol. 8. Pp. 609-631. DOI: 10.1007/s41603-024-00267-4.

Chao L. L., Yang F. Measuring religiosity in a religiously diverse society: The China case // *Social Science Research*. 2018. Vol. 74. Pp. 187-195. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2018.04.001.

Cipriani R., Ricucci R. Introduction. Discussing religions in a globalized world. Trends, changes and novelties // *Research Result. Sociology and Management*. 2020. Vol. 6, №. 3. Pp. 4-8. EDN ZWKKIP.

Corcoran K. E., Scheitle Ch. P., Dabbs E. Multiple (Non)Religious Identities Leads to Undercounting Religious Nones and Asian Religious Identities // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2021. Vol. 60, №. 2. Pp. 424-441. DOI: 10.1111/jssr.12719.

Cragun R. T., Kosmin, B. A., Keysar, A., Hammer, J. H., Nielsen, M. On the Receiving End: Discrimination toward the Non-Religious in the United States // *Journal of Contemporary Religion*. 2012. Vol. 6027, №1. Pp. 105-127. DOI: 10.1080/13537903.2012.642741

Cragun R. T., Smith J.M. *Goodbye Religion. The Causes and Consequences of Secularization*. NYU Press. 2024. 352 p.

Cragun R.T., Rabbia H.H., Urstad S.S., Beyer P. Measuring Nonreligion as Absence: Testing Various Approaches // *Secularism and Nonreligion*. 2025. Vol. 14(1). Article 6. DOI: 10.5334/snr.212.

Da Costa N. Non-Affiliated Believers and Atheists in the Very Secular Uruguay // *Religions*. 2020. Vol. 11, № 1. P. 50. DOI: 10.3390/rel11010050

Evans J., Lesage K., Corichi M. Many Religious ‘Nones’ Around the World Hold Spiritual Beliefs. Pew Research Center. 2025. DOI: 10.58094/695q-4j55.

Esquivel J. Religiously Disaffiliated, Religiously Indifferent, or Believers without Religion? Morphology of the Unaffiliated in Argentina // *Religions*. 2021. Vol. 12, № 7. P. 472. DOI: 10.3390/rel12070472.

Gadsby B. A. The Nones of Mombasa: Religious Disbelief and Disaffiliation on the East African Coast // *Journal of Africana Religions*. 2024. Vol. 12, № 1. Pp. 29-52. DOI: 10.5325/jafireli.12.1.0029.

Gez Y. N., Beider N., Dickow H. African and Not Religious: The State of Research on Sub-Saharan Religious Nones and New Scholarly Horizons // *Afrika Spectrum*. 2022. Vol. 57, №1. Pp. 50-71. DOI: 10.1177/00020397211052567.

Götmark F., Andersson M. Human fertility in relation to education, economy, religion, contraception, and family planning programs // *BMC Public Health*. 2020. Vol. 20, №1. P. 265. DOI: 10.1186/s12889-020-8331-7.

Hackett C., Stonawski M., Tong Y., Kramer S., Shi A.F., and Fahmy D. Religiously unaffiliated population change /How the Global Religious Landscape Changed From 2010 to 2020. Pew Research Center. 2025. DOI: 10.58094/fj71-ny11.

Haerper C., Inglehart R., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., M. Lagos P. Norris E. Ponarin & B. Puranen (eds.). *World Values Survey: Round Seven – Country-Pooled Datafile Version 6.0*. Madrid, Spain & Vienna, Austria: JD Systems Institute & WWSA Secretariat. 2022. DOI: 10.14281/18241.24.

Inglehart R., Haerper C., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponarin E. & Puranen B. et al. (eds.). *World Values Survey: Round Six – Country-Pooled Datafile Version*. 2014. URL: www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp. (дата обращения: 10.02.2026).

Järnefelt E. Beneath the Surface: A Critique of the Common Survey Model in the Study of Nonreligion // *Secularism and Nonreligion*. 2020. Vol. 9, № 4. Pp. 1-9. DOI: 10.5334/snr.106.

Kasselstrand I. & Zuckerman P. & Cragun R. *Beyond Doubt: The Secularization of Society*. NYU Press. 2023. 240 p. DOI: 10.18574/nyu/9781479814305.001.0001.

Kim A. E., Seo W. M., Kang G. Beyond Belief: Understanding the Demographics and Dynamics of South Korea’s Religious “Nones” // *Religions*. 2025. Vol. 16, №10. P. 1317. DOI: 10.3390/rel16101317.

Knippenberg H. *Secularization and Transformation of Religion in Post-War Europe*. In: Brunn, S. (eds) *The Changing World Religion Map*. Springer, Dordrecht. 2015. Pp. 2101-2127. DOI: 10.1007/978-94-017-9376-6_111.

Lee L. Secular or nonreligious? Investigating and interpreting generic ‘not religious’ categories and populations // *Religion*. 2014. Vol. 44, №3. Pp. 466-482. DOI: 10.1080/0048721X.2014.904035.

Lee L. *Recognizing the Non-religious: Reimagining the Secular*. Oxford University Press. 2015. 248 p.

Lesage K., Starr K. J. and Miner W. Around the World, Many People Are Leaving Their Childhood Religions. Pew Research Center. 2025. DOI: 10.58094/xt5h-b241.

Lesage K., Evans J., Corichi M., Thomas S. Catholicism Has Declined in Latin America Over the Past Decade. Pew Research Center. 2026. DOI: 10.58094/93ce-0a97.

Levin J., Bradshaw M., Johnson B. R., Stark R. Are Religious “Nones” Really Not Religious?: Revisiting Glenn, Three Decades Later // *Interdisciplinary Journal of Research on Religion*. 2022. Vol. 18. Article 7. URL: <https://www.baylorisr.org/wp-content/uploads/2022/06/2022-IJRR-Are-Religious-Nones-Really-Not-Religious.pdf> (дата обращения: 14.04.2026).

Lewis J. R. Education, Irreligion, and Non-religion: Evidence from Select Anglophone Census Data // *Journal of Contemporary Religion*. 2015. Vol. 30, №2. Pp. 265-272.

Müller O., Porada C. Towards a Society of Stable Nones: Lifelong Non-Denominationalism as the Prevailing Pattern in East Germany // *Religions*. 2022. Vol. 13, №11. P. 1024. DOI: 10.3390/rel13111024.

Norris P., Inglehart R. *Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide* (2nd ed.). Cambridge University Press. 2011.

Olson L. R., Green J. C., Blitzer A. L. Belonging, Behaving, and Believing: Assessing the Role of Religion on Presidential Approval // *Political Research Quarterly*. 2008. Vol. 61, No. 1. Pp. 132-144. DOI: 10.1177/1065912907313075.

Quack J., Schulz M. Who Counts as ‘None’? // *Religion and Society*. 2023. Vol. 14, №1. Pp. 126-139. DOI: 10.3167/arrs.2023.070303.

Rosa González F. M., Cabrera L. A Sociological Perspective on Religious Identification in Spain: A Multidimensional Analysis Based on Empirical Data (Over 467,187 Individuals) // *Secularism and Nonreligion*. 2023. Vol.12, №1. P. 4. DOI: 10.5334/snr.176.

Sakellariou A. Greek Society in Transition: Trajectories from Orthodox Christianity to Atheism // *Non-religion in Late Modern Societies* / Årsheim H., Mauritsen A. L., Zwilling A. L. (eds.). Cham: Springer, 2022. Pp. 129-150. DOI: 10.1007/978-3-030-92395-2_8.

Seong H. The Rise of Religious Nones and Its Impact on Interreligious Dialogue: Examining “Religious Literacy” and “Meditation” as Mediating Mechanisms // *Religions*. 2025. Vol. 16, № 8. P. 1057. DOI: 10.3390/rel16081057.

Stolz J., de Graaf N.D., Hackett C., Antonietti J-P. The three stages of religious decline around the world // *Nature Communications*. 2025. Vol. 16. P. 7202. DOI: 10.1038/s41467-025-62452-z.

The Freedom of Thought Report 2021. Humanists International. URL: <https://demens.nu/wp-content/uploads/2021/11/Freedom-of-Thought-Report-2021.pdf> (дата обращения: 04.03.2026).

Thiessen J., Wilkins-Laflamme S. *None of the Above: Nonreligious Identity in the US and Canada*. New York University Press, 2020. 272 p.

Tromp P., Kulkova A. and Houtman D. Note: Religious Decline or Religious Change? Evidence from Thirteen Western-European Countries (1981-2008). 2019. URL: https://www.dickhoutman.nl/mediatheek/files/tromp_et_al._2019.pdf (дата обращения: 16.02.2026).

Urstad S. S. The Religiously Unaffiliated in Norway // *Nordic Journal of Religion and Society*. 2017. Vol. 30, № 1. Pp. 61-81. DOI: 10.18261/issn.1890-7008-2017-01-04.

Voas D., McAndrew S. Three Puzzles of Non-religion in Britain // *Journal of Contemporary Religion*. 2012. Vol. 27, № 1. Pp. 29-48.

Wilkins-Laflamme S. And then there were none: Regional dynamics of non-religious identities, beliefs and practices among Canadian millennials // *Studies in Religion*. 2023. Vol. 52, № 3. Pp. 358-380. DOI: 10.1177/00084298221102926.

Woodhead L. The rise of ‘no religion’ in Britain: The emergence of a new cultural majority // *Journal of the British Academy*. 2016. Vol. 4. Pp. 245-261. DOI: 10.5871/jba/004.245.

References

Bogdan, S. S. (2025), “From the study of religious «nones» to the development of the sociology of «non-religion»”, *Research Result. Sociology and management*, 11 (2), 4-21, DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-1, EDN: FOKRXW. (In Russian)

Inglhart, R. (2022), *Neozhidanny upadok religioznosti v razvityh stranah* [Religion's Sudden Decline: What's Causing it, and What Comes Next?], Translated by N. Firsova, EUSP Press, St. Petersburg, Russia, 238. (In Russian)

Kublitskaya, E. A. (2009), “Specifics of religiosity studies in contemporary Russia”, *Sociological Studies*, (4), 96-107, EDN: JZFQOZ. (In Russian)

Kublitskaya, E. A. (2024), "Methodological and methodical analysis of the correlation of religious and confessional self-identification (on the example of the studied subjects of the Russian Federation)", *Research Result. Sociology and management*, 10 (1), 11-27, DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-2, EDN: XIPWEA. (In Russian)

Lebedev, S. D., Sukhorukov, V.V. (2024), "Religion and identities in late modern society", *Sotsiologiya religii v obshchestve pozdnego moderna*, 13 (1), 5-9, EDN: KWAFBM. (In Russian)

Lopatkin, R. A. (2010), "Sociology of religion in Russia: past experience and contemporary problems", *Gosudarstvo, religiya, Tserkov v Rossii i za rubezhom*, 28 (4), 266-272, EDN: PFGRPB. (In Russian)

Rutkevich, E. D. (2023), "On current world, (non)religious diversity and post-secular perspective", *Research Result. Sociology and management*, 9 (2), 58-76, DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-5, EDN: PFIPEY. (In Russian)

Smirnov, M. Yu. (2024), "Research of religion in the context of modern secularisation: search for an approach", *Vestnik Instituta sociologii*, 15 (2), 13-27, DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.2, EDN: WHXFZF. (In Russian)

Årsheim, H., Mauritsen, A. L., & Zwilling, A. L. (2022), Introduction – Non-religion in Late Modern Societies, *Non-religion in Late Modern Societies*, Springer Science+Business Media, DOI: 10.1007/978-3-030-92395-2_1.

Balazka, D. (2020), *Mapping Religious Nones in 112 Countries: An Overview of European Values Study and World Values Survey Data (1981–2020)*, Trento: Fondazione Bruno Kessler, 51, available at: https://www.researchgate.net/publication/344176211_Mapping_Religious_Nones_in_112_Countries_An_Overview_of_European_Values_Study_and_World_Values_Survey_Data_1981-2020 (Accessed 4 February 2025).

Beider, N. (2023), "Religious residue: The impact of childhood religious socialization on the religiosity of nones in France, Germany, Great Britain, and Sweden", *British Journal of Sociology*, 74 (1), 50-69, DOI: 10.1111/1468-4446.12982.

Breskaya, O. (2025), "Religious upbringing in the family and individual autonomy of 'Nones': a comparative study of youth in Italy and Russia", *International Journal of Sociology and Social Policy*, 45 (7-8), 725-742, DOI: 10.1108/IJSSP-10-2024-0510.

Bubík, T., Rimmel, A., Václavík, D. (Eds.) (2020), *Freethought and Atheism in Central and Eastern Europe. The Development of Secularity and Nonreligion*, Routledge, London, New York, DOI: 10.4324/9780429276071.

Bullivant, S. (2020), "Explaining the Rise of "Nonreligion Studies": Subfield Formation and Institutionalization within the Sociology of Religion", *Social Compass*, 67 (1), 86-102.

Cáceres, I., González, A. (2024), "Progressivism and Religious Disaffiliation in Chile: Responses to Social Movements", *International Journal of Latin American Religions*, (8), 609-631, DOI: 10.1007/s41603-024-00267-4.

Chao, L. L., Yang, F. (2018), "Measuring religiosity in a religiously diverse society: The China case", *Social Science Research*, 74, 187-195, DOI: 10.1016/j.ssresearch.2018.04.001.

Cipriani, R., Ricucci, R. (2020), "Introduction. Discussing religions in a globalized world. Trends, changes and novelties", *Research Result. Sociology and Management*, 6 (3), 4-8, EDN: ZWKKIP.

Corcoran, K. E., Scheitle Ch. P., Dabbs E. (2021), "Multiple (Non)Religious Identities Leads to Undercounting Religious Nones and Asian Religious Identities", *Journal for the Scientific Study of Religion*, 60 (2), 424-441, DOI: 10.1111/jssr.12719.

Cragun, R. T., Kosmin, B. A., Keysar, A., Hammer, J. H., Nielsen, M. (2012), "On the Receiving End: Discrimination toward the Non-Religious in the United States", *Journal of Contemporary Religion*, 27 (1), 105-127. DOI: 10.1080/13537903.2012.642741

Cragun, R. T., Smith, J. M. (2024), *Goodbye Religion. The Causes and Consequences of Secularization*, NYU Press.

Cragun, R. T., Rabbia, H. H., Urstad, S. S., Beyer, P. (2025), "Measuring Nonreligion as Absence: Testing Various Approaches", *Secularism and Nonreligion*, 14 (1), Article 6, DOI: 10.5334/snr.212.

Da Costa, N. (2020), "Non-Affiliated Believers and Atheists in the Very Secular Uruguay", *Religions*, 11(1), 50, DOI: <https://doi.org/10.3390/rel11010050>.

Evans, J., Lesage, K., Corichi, M. (2025), *Many Religious 'Nones' Around the World Hold Spiritual Beliefs*, Pew Research Center, DOI: 10.58094/695q-4j55.

- Esquivel, J. (2021), “Religiously Disaffiliated, Religiously Indifferent, or Believers without Religion? Morphology of the Unaffiliated in Argentina”, *Religions*, 12 (7), 472, DOI: 10.3390/rel12070472.
- Gadsby, B. A. (2024), “The Nones of Mombasa: Religious Disbelief and Disaffiliation on the East African Coast”, *Journal of Africana Religions*, 12 (1), 29-52, DOI: 10.5325/jafrirel.12.1.0029.
- Gez, Y. N., Beider, N., Dickow, H. (2022), “African and Not Religious: The State of Research on Sub-Saharan Religious Nones and New Scholarly Horizons”, *Afrika Spectrum*, 57 (1), 50-71, DOI: 10.1177/00020397211052567.
- Götmark, F., Andersson, M. (2020), “Human fertility in relation to education, economy, religion, contraception, and family planning programs”, *BMC Public Health*, 20 (1), 265, DOI: 10.1186/s12889-020-8331-7.
- Hackett, C., Stonawski, M., Tong, Y., Kramer, S., Shi, A.F., and Fahmy, D. (2025), “Religiously unaffiliated population change”, *How the Global Religious Landscape Changed From 2010 to 2020*, Pew Research Center, DOI: 10.58094/fj71-ny11.
- Haerper, C., Inglehart, R., Moreno, A., Welzel, C., Kizilova, K., Diez-Medrano, J., Lagos, M., Norris, P., Ponarin, E. & Puranen, B. (eds.) (2022), *World Values Survey: Round Seven – Country-Pooled Datafile Version 6.0*, Madrid, Spain & Vienna, Austria: JD Systems Institute & WVSA Secretariat, DOI: 10.14281/18241.24.
- Inglehart, R., Haerper, C., Moreno, A., Welzel, C., Kizilova, K., Diez-Medrano, J., Lagos, M., Norris, P., Ponarin, E. & Puranen, B. et al. (eds.) (2014), *World Values Survey: Round Six – Country-Pooled Datafile Version*, available at: www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp. (Accessed 10 February 2026).
- Järnefelt, E. (2020), “Beneath the Surface: A Critique of the Common Survey Model in the Study of Nonreligion”, *Secularism and Nonreligion*, 9 (4), 1-9, DOI: 10.5334/snr.106
- Kasselstrand, I., Zuckerman, P. and Cragun, R. (2023), *Beyond Doubt: The Secularization of Society*, NYU Press, DOI: 10.18574/nyu/9781479814305.001.0001
- Kim, A. E., Seo, W. M., Kang, G. (2025), “Beyond Belief: Understanding the Demographics and Dynamics of South Korea’s Religious “Nones”, *Religions*, 16 (10), 1317, DOI: 10.3390/rel16101317.
- Knippenberg, H. (2015), “Secularization and Transformation of Religion in Post-War Europe”, In: Brunn, S. (eds) *The Changing World Religion Map*, Springer, Dordrecht, 2101-2127, DOI: 10.1007/978-94-017-9376-6_111.
- Lee, L. (2014). “Secular or nonreligious? Investigating and interpreting generic ‘not religious’ categories and populations”, *Religion*, 44 (3), 466-482, DOI: 10.1080/0048721X.2014.904035
- Lee, L. (2015), *Recognizing the Non-religious: Reimagining the Secular*, Oxford University Press.
- Lesage, K., Starr, K. J. and Miner, W. (2025), *Around the World, Many People Are Leaving Their Childhood Religions*, Pew Research Center, DOI: 10.58094/xt5h-b241.
- Lesage, K., Evans, J., Corichi, M., Thomas, S. (2026), *Catholicism Has Declined in Latin America Over the Past Decade*, Pew Research Center, DOI: 10.58094/93ce-0a97.
- Levin, J. Bandsaw, M., Johnson, B. R. and Stark, R. (2022), “Are Religious “Nones” Really Not Religious?: Revisiting Glenn, Three Decades Later”, *Interdisciplinary Journal of Research on Religion*, 18, Article 7, available at: <https://www.baylorisr.org/wp-content/uploads/2022/06/2022-IJRR-Are-Religious-Nones-Really-Not-Religious.pdf> (Accessed 21 March 2026).
- Lewis, J. R. (2015), “Education, Irreligion, and Non-religion: Evidence from Select Anglophone Census Data”, *Journal of Contemporary Religion*, 30 (2), 265-272.
- Müller, O., Porada, C. (2022), “Towards a Society of Stable Nones: Lifelong Non-Denominationalism as the Prevailing Pattern in East Germany”, *Religions*, 13 (11), 1024, DOI: 10.3390/rel13111024.
- Norris, P., Inglehart, R. (2011), *Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide* (2nd ed.). Cambridge University Press.
- Olson, L. R., Green, J. C., Blitzer, A. L. (2008), “Belonging, Behaving, and Believing: Assessing the Role of Religion on Presidential Approval”, *Political Research Quarterly*, 61 (1), 132-144, DOI: 10.1177/1065912907313075.
- Quack, J., Schulz M. (2023), “Who Counts as ‘None’?”, *Religion and Society*, 14 (1), 126-139, DOI: 10.3167/arrs.2023.070303.
- Rosa González, F. M., Cabrera, L. (2023), “A Sociological Perspective on Religious Identification in Spain: A Multidimensional Analysis Based on Empirical Data (Over 467,187 Individuals)”, *Secularism and Nonreligion*, 12 (1), 4, DOI: 10.5334/snr.176.

Sakellariou, A. (2022), "Greek Society in Transition: Trajectories from Orthodox Christianity to Atheism", *Non-religion in Late Modern Societies*, Cham: Springer, 129-150, DOI: 10.1007/978-3-030-92395-2_8.

Seong, H. (2025), "The Rise of Religious Nones and Its Impact on Interreligious Dialogue: Examining "Religious Literacy" and "Meditation" as Mediating Mechanisms", *Religions*, 16 (8), 1057, DOI: 10.3390/rel16081057.

Stolz, J., de Graaf, N. D., Hackett, C., Antonietti, J-P. (2025), The three stages of religious decline around the world, *Nature Communications*, 16, 7202, DOI: 10.1038/s41467-025-62452-z.

The Freedom of Thought Report 2021, Humanists International, available at: <https://demens.nu/wp-content/uploads/2021/11/Freedom-of-Thought-Report-2021.pdf> (Accessed 4 March 2026).

Thiessen, J., Wilkins-Laflamme, S. (2020), *None of the Above: Nonreligious Identity in the US and Canada*, New York University Press.

Tromp, P., Kulkova, A. and Houtman, D. (2020), *Note: Religious Decline or Religious Change? Evidence from Thirteen Western-European Countries (1981-2008)*, available at: https://www.dickhoutman.nl/mediatheek/files/tromp_et_al._2019.pdf (Accessed 26 February 2026).

Urstad, S. S. (2017), "The Religiously Unaffiliated in Norway", *Nordic Journal of Religion and Society*, 30 (1), 61-81, DOI: 10.18261/issn.1890-7008-2017-01-04.

Voas, D., McAndrew, S. (2012), "Three Puzzles of Non-religion in Britain", *Journal of Contemporary Religion*, 27 (1), 29-48.

Wilkins-Laflamme, S. (2023), "And then there were none: Regional dynamics of non-religious identities, beliefs and practices among Canadian millennials", *Studies in Religion*, 52 (3), 358-380, DOI: 10.1177/00084298221102926.

Woodhead, L. (2016), The rise of 'no religion' in Britain: The emergence of a new cultural majority, *Journal of the British Academy*, 4, 245-261, DOI: 10.5871/jba/004.245.

Статья поступила в редакцию 11 апреля 2026 г. Поступила после доработки 12 мая 2026 г. Принята к печати 01 июня 2026 г.

Received 11 April 2026. Revised 12 May 2026. Accepted 01 June 2026.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Богдан Сергей Сергеевич, кандидат социологических наук, доцент, Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия.

Sergey S. Bogdan, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia.